

Я. В. ВЕРМЕНИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается поле значений и применений концепта границы – как в его генеалогии, так и в современном научном дискурсе. Автор анализирует различные коннотации, связанные с понятиями *граница*, *рубеж*, *порубежье*, *предел* и т.п. Показано, что они формируются на пересечении геополитических, геокультурных, исторических, социально-психологических и других научных парадигм. Акцент сделан на необходимости интенсивной междисциплинарной кооперации в русле определения концептуальных рамок новой субдисциплины – исторической лимологии.

Ключевые слова: *граница, порубежье, лимология, геокультура, историческая регионалистика, пограничное сотрудничество.*

Понятие “граница” часто употребляется и в международном праве, и в гуманитарной географии, и в исторических науках. Однако теоретические аспекты проблемы границ привлекают внимание украинской историографии значительно меньше, чем история становления государственной границы Украины. Впрочем, и на Западе, где *Border Studies* еще с начала XX в. оформились в одно из приоритетных направлений исследований территориальности, внимание ученых сосредоточено не столько на теоретических аспектах проблемы, сколько на исследовании ментальностей и идентичностей приграничных территорий. Теории «разделенного наследия истории западного полушария», ставшие фундаментом мультикультурализма как направления политики, базируются на выводах, которые еще в начале 1920-х гг. сформулировал Герберт Юджин Болтон в книге «Испанское пограничье»¹. В дальнейшем интерес к «истории пограничных областей» породил огромную литературу, но в фокусе исследований неизменно находятся не границы как таковые, а трансграничные феномены и контактные зоны.

Однако то, что проблема границ является междисциплинарной и она неизменно фигурирует в межгосударственных спорах и территориальных претензиях, диктует необходимость теоретического осмысления структуры и содержания понятия, типологии границ, соотношения политических, административных, культурных границ и т.п. Теоретическая *лимология* (от лат. *limes* – граница) фокусирует внимание на функ-

¹ Bolton. 1921.

циях границ, специфике трансграничного сотрудничества, проблемах безопасности. Тем не менее, степень погружения в исторические пласты остается невысокой, как и уровень культурологического анализа проблем границ и приграничных регионов, в том числе исследований специфических ментальностей, феномена пограничной культуры, явлений маргинализации и т.п. Оставляет желать лучшего и осмысление проблемы в русле истории идей и интеллектуальной истории.

Данная статья открывает цикл работ Сектора теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины, посвященный исследованию на украинском материале проблем пограничья как исторически сформированного социокультурного пространства с собственным темпоритмом развития и выраженными признаками «срединности» (термин Р. Уайта). Целью цикла является введение проблемы границ в более широкий контекст проблемы Другого, пребывающей в фокусе внимания современной социогуманитаристики. Очевидно, что без осмысления места и роли территориальных границ и этапов научного освоения всего комплекса связанных с ними проблем двигаться в этом направлении невозможно.

Концептуализация нового научного направления – дело всегда непростое. В контексте исторической лимологии сложности удваиваются: ведь речь идет об осмыслении пространственно-временных отношений в огромном хронологическом диапазоне, на подвижных межгосударственных стыках, в перманентно конфликтных средах. Как справедливо отмечает российский теоретик лимологии В. Колосов, значение границы в жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, в процессах самоидентификации человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью)². Исследование ситуаций лояльности/нелояльности предусматривает выход в сферу политологии, кросс-культурного взаимодействия – в сферу культурологии, межэтнического взаимодействия – в сферу этнологии и т.д. Историческая лимология не может обойтись без анализа процессов формирования и развития центр-периферийных отношений, возникновения и эволюции территориальных идентичностей, организации трансграничных пространственных систем и т.п. В любом случае она вынуждена обращаться и к сфере имажинальной географии, так или иначе связанной с границей.

Тезаурус исторической лимологии еще надлежит упорядочить. Если ориентироваться лишь на набор терминов, которыми оперирует теоретическая лимология, избежать существенных пробелов не удастся.

² См.: Колосов. 2003. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>.

Многозначность и полифоничность базовых понятий – *граница, пограничье, регион* и др. – заставляет окунаться в почти бездонное море контекстуальности и разномыслия. Для изучения феномена порубежных территорий необходимо использовать понятийный инструментарий, наработанный в рамках географии, этнологии, культурологии, международного права, теории коммуникаций и других смежных дисциплин.

Формируя предметное поле исторической лимнологии, следует иметь в виду, что категория *граница* в ее рамки полностью не укладывается. В максимально широком, философском смысле понятие *граница* родственно понятию *переход* и касается разнообразнейших граней человеческого общения. По мнению Ю. Лотмана, границы структурируют все пространство семиосферы на всех уровнях и организуют иерархию этих уровней³. М. Бахтин обращал внимание на то, что «культура вся размещена на границах, граница проходит повсюду, через каждый момент ее»⁴. На порубежье сталкиваются хаос и порядок, здесь формируются точки пересечений и очаги бифуркаций, в конце концов здесь же формируется и своеобразное «пограничное сознание». Итак, граница – это совсем не обязательно геометрический или географический термин, это может быть также граница между смыслами, маркер культуры, линия противостояния в дуальных оппозициях. В метафорическом смысле граница – это форма взаимодействия и способ существования.

Граница – это одна из многозначных метафор, которые могут быть наполнены разным содержанием. В данном случае нас будет интересовать лишь феномен границы, имеющей выраженное территориальное измерение, т.е. система государственных, административных, этнических и других границ, осмысленная под углом зрения ее влияния на социокультурное развитие и межгосударственные отношения.

В современной географии границы иногда сравнивают с биологическими мембранами, регулирующими обмен веществ внутри организма. К. Раффестин распространяет этот вывод на обмен между территорией – этнической и государственной – и соседними социумами. В самом деле, границы, как бы надежно они ни охранялись, никогда не были непроницаемыми; чаще они сами выступают в роли контактных зон. Для культурных обменов это обстоятельство имело иногда решающее значение, так как на порубежье формировался новый тип личности и во многом специфичный тип общественных отношений. С одной стороны, граница стимулирует подвижность и инициативность, создает возможность диалога и обмена достижениями сопредельных культур. С другой – про-

³ Лотман. 2000. С. 258-260.

⁴ Бахтин. 1979. С. 25.

воцирует постоянные стрессовые ситуации, создает зоны напряжения и военных конфликтов, а в итоге и нежелательный эффект оттока наиболее активной части населения. Почти всегда порубежье – это ареал дополнительных шансов и приумноженных опасностей. Для историка такое пространство всегда интересно двояко, так как именно здесь, по Р. Козеллеку, проявляются трения и напряжения, а в разных временных пластах, в которых приходится жить соседним социумам, дремлют линии разлома, способные в определенное время пробуждаться к жизни⁵.

Переосмысление проблемы границ в современном мире происходит в контексте возрастания роли социального пространства в научном познании. «Пространственный поворот» в социогуманитаристике сопровождается своеобразным ренессансом зimmelевской социологии пространства и актуализацией значения географических категорий и соответствующих метафор. На смену модным теориям «детерриторизации», связанным с виртуализацией социального взаимодействия, приходят концепции креативного капитала, сопряженные с выбором оптимального места проживания. В этой «географии креативности» находится место и для анализа границ и пограничных территорий, которые исследуются как с точки зрения комплексности интеграционных связей и открытости к новым идеям, так и с точки зрения рисков, связанных с контрабандой, нелегальной миграцией и т.п.⁶

На Западе успешно развивается школа «критической геополитики», которая разрабатывает концепции новых измерений безопасности с ориентацией не столько на территориально-географическое, сколько на интерсубъективное видение пространства. Особое внимание обращается на смену уровней пространственной организации современного мира и характера иерархичности мир-системных связей, появление новых разновидностей регионов (мета-, мезо-, трансрегионы). А основой структурирования такого пространства выступают дифференциации – анализ особенностей, сформированных в процессе исторического развития разными культурными практиками. Такой, геокультурный в своей основе, подход побуждает к существенному переосмыслению понятия пространства в связке *пространство – время*. Пространство осознается не только как синоним территории, но и как помещенная в определенные рамки социальная реальность, «ансамбль невидимых связей»⁷. Понятия экономического, политического, культурного, информационного пространства, как правило, не являются четко локализованными, но они

⁵ Козеллек. 2006. С. 22.

⁶ The Spatial Turn...

⁷ Бурдьё. 1993. С. 299.

конструируются с учетом как естественно обусловленных, так и созданных деятельностью человека ограничителей.

Межгосударственные отношения в современном мире отягощены огромным наследством прошлых конфликтов, войн, национальных обид. Барьеры на пути взаимопонимания могут консервировать недоразвитость сознания, провоцировать традиционализм мышления, этноцентристские установки, оборачиваться отголосками бывших военных, этнических, религиозных противостояний. В таком случае различия способны создавать конфликтные поля взаимодействия и даже приводить к кровавым столкновениям. Каждая страна, заботясь о своем будущем, должна внимательно отслеживать состояние латентной конфликтности в приграничных ареалах и рассматривать проблему вероятных рисков в контексте общих проблем национальной безопасности.

В этом же контексте следует исследовать не только риски, но и преимущества, создаваемые близостью границы, прежде всего проблемы кросс-культурного взаимодействия. Оно может быть более или менее интенсивным в зависимости от того, насколько программы пограничного и трансграничного сотрудничества учитывают исторический опыт, минимизируя возможные поля напряжения и концентрируя усилия вокруг проверенных историей моделей сотрудничества и закрепляемых на этой основе этических принципов толерантности и взаимопонимания.

Современная лимология представляет собой новую субдисциплину, возникшую в русле политической географии, а ныне развивающуюся на стыке географии, истории, политологии, социологии, культурологии, этнопсихологии, аксиологии. В ее основе – видение границы не столько как разграничительной линии, сколько в виде социального и политического конструкта, который детерминирует окружающее пространство, превращая его в зону коммуникаций и взаимовлияний.

В новейшем *философском* видении граница – это рамка «столкновения своего и чужого, обычного и необыкновенного, благоустроенного и хаотичного». Поддержание границ выступает как одна из важных функций любой социальной системы, стремящейся к выделению из внешней среды и воспроизведению внутренней идентичности. Поддерживая диалогическую игру своего и чужого, граница реализует продуктивную тенденцию осознания собственной самобытности; она выполняет защитные функции и играет роль ограничительного символа. Вместе с тем обращается внимание на то, что в современном мире непроницаемость границ легко преодолевается на уровне коррупционных взаимодействий. Результатом такой взаимосвязи оказывается сужение радиуса доверия, приумножение образов врага, иррационализация восприятия

других систем убеждений, что способно подорвать не только диалог с чужими, но и символические основания отношений между своими⁸.

В *историческом* измерении граница выступает не только как географическая, геополитическая или административная, но и как психологическая грань. Даже если официальные очертания границ неизменны, могут изменяться взгляды на то, что эти границы собой представляют, являются ли они механизмом сотрудничества, кооперации, или барьером, защищающим от внешних влияний⁹. Травмирующим фактором могут быть и воспоминания о былых функциях границы и связанных с ними несправедливостях и обидах; не случайно близлежащие к границам регионы отличаются, как правило, повышенным социальным напряжением. Польский антрополог М. Герцфельд ввел для обозначения этого символического пространства понятие «локальная теодицея» – место, будто специально предназначенное для выяснения несправедливостей окружающего нас мира и возмещения бремени ответственности и вины. Именно в пунктах пересечения товаров, идей, людей и символов формируются, по Герцфельду, «несоизмеримые, гетерогеничные категории, отличные от тех, которые применяются в обычных классификационных системах». С этой точки зрения, пограничные ареалы являются «материализованным пунктом слома таксономии»¹⁰.

Через власть и охваченное ею пространство определяют границу юристы и политологи. В *теории государства* граница – не только линия на карте, рубеж определенного географического пространства или территории, но и край пространства власти – территории, стратифицированной с помощью властных технологий, а также зона столкновений, пересечения, взаимодействия разных структур и пространств власти¹¹. В современной геополитике грань проводится еще четче: «линия, разделяющая сферы действия суверенитетов, в границах которых происходит выравнивание статуса территорий»¹². Теоретики политического менеджмента, напротив, тяготеют к метафоризации, характеризуя границу как «внешнюю обшивку» государств, сферу их контактов и трений¹³.

В *международном праве* граница выступает и как барьер, и как зона контакта. С помощью визовых и таможенных барьеров государства защищают свои экономические интересы и национальную безопас-

⁸ Горин. 2010. С. 75-77.

⁹ Макарычев. 2003. С. 70.

¹⁰ Herzfeld. 2004. S. 193-216.

¹¹ Королев. 2002. С. 5.

¹² Леш. 2007. С. 48.

¹³ Шлегель. 2003. С. 34.

ность, и тогда на первый план выступает барьерная функция границы. Однако границы должны быть достаточно проницаемыми для людей, товаров, информации, финансовых потоков; в этом случае оказывается задействованной, прежде всего, их контактная функция. Возрастание ее роли потянуло за собою появление особого научного направления, занятого изучением проявлений трансграничности – миграций, пограничных контактов, еврорегионов и т.п. Приоритетными направлениями лимнологических исследований считаются также проблемы пограничной безопасности, влияния геополитической ситуации на характер реализации и защиты национальных интересов в приграничном пространстве, влияния миграционного фактора на ситуацию на пограничье. Прикладные ответвления лимнологии заняты преимущественно проблемами, связанными с охраной границы. Одним из них является *погранология*, цель которой – научное обеспечение пограничной политики.

Специальным объектом исследования стала дискурсивная составляющая трансграничности. Все более популярны представления о пограничьях как социальных конструктах, сформированных соответствующими дискурсами. Предметом специального анализа выступают образы границ и пограничных ареалов, в том числе и в значительной мере мифологизированные. Особую актуальность приобрели экополитические подходы, которые изучают проблемы трансграничных загрязнений. В лимнологии сформировалась особая междисциплинарная область, исследующая трансграничные эколого-политические проблемы.

С лимнологией тесно коррелирует популярная в современном мире субдисциплина под названием *Border (Boundary) studies*. Иногда ее отождествляют с лимнологией или полностью вводят в ее предметное поле. На наш взгляд, это не вполне корректный подход. Лимнология – наука преимущественно политико-правовая, базирующаяся на постулатах международного права. Растворить в ней огромный массив исторических, культурологических, этнологических, религиоведческих и других исследований, выполненных в ключе *Border studies*, пока не представляется целесообразным. Возможно, когда историческая лимнология сформируется окончательно как научное направление, возникнет вопрос о ее интеграции с *Border studies*. Сегодня говорить об этом преждевременно.

Попробуем хотя бы пунктирно очертить историю формирования лимнологии как области знания, которая вырастала из практических потребностей: «огранка» своей территории была среди первоочередных задач всех политических режимов. А к теоретическому осмыслению приложила усилия еще античная философия, в которой понятие *граница* служило обоснованию возможностей познания. Уже тогда люди по-

стигли двойную функцию границы, которая одновременно разделяет объекты и связывает их в единое целое. Аристотелю удалось раскрыть ее топологические свойства – не принадлежа объекту, граница реализуется как сущность в сопоставлениях и пространственном измерении.

В классической работе теоретика геополитики К. Хаусхофера «Границы в их географическом и политическом значении» находим интересный сюжет о том, как умно выстроенная греческими философами теория границы была использована в практике строительства Римской и более поздних империй. Юлия Цезаря он считает одновременно и творцом границ, сумевшим сдержать переселение народов и закрепившим «большую границу» на две тысячи лет, и великим политическим географом. Главную заслугу Цезаря как теоретика Хаусхофер усматривает в том, что он распознал органическую связь между границей и пограничьем, доказывая, что обезлюдившие пограничья – залог военных успехов. Именно умело выстроенная пограничная политика, считает Хаусхофер, дает основание причислять Цезаря к образцовым умам человечества¹⁴.

Начала лимологии глубоко укоренены в системе географических наук – преимущественно тех ее ответвлений, которые сосредоточивались на описании отдельных местностей, береговых линий, коммуникационных систем и объединялись понятием *хорография*. Если назначением географии, по Птолемию, было представлять землю единой и непрерывной, то хорография, «беря отдельные местности, рассматривая любую из них особо», должна была приводить в своих описаниях даже такие мелочи, как, например, гавани, села, округа и т.п. Важным считалось «умно и полезно» передавать даже мельчайшие особенности стран. Античные авторы составляли описания («объезды») земель, которые на специальных картах (периегесах или периплах) фиксировали главные водные и сухопутные пути между поселениями и побережьями морей.

XVII и XVIII столетия в географии стали временем становления классической науки, в границах которой «географическое природоведение» прошло «додисциплинарный», по определению В. Пащенко, этап своего развития¹⁵. В то время оно базировалось на достоверном, добытом путем топографических обследований и экспедиций, эмпирическом материале и ориентировалось на географический детерминизм – представление о полнейшей зависимости человека от природной среды. Философская категория физического пространства дала толчок развитию двух разновидностей географического знания – землеведению и хоро-

¹⁴ Хаусхофер. 2001. С. 137.

¹⁵ Пащенко. 2000. С. 63.

графической географии (последняя и в дальнейшем сосредоточивалась на описании отдельных территорий и местностей). Осуществляются первые попытки определения предмета географии и пригодных для географических исследований методов. В «Географии генеральной» Б. Варения (1650) «частичная география» (страноведение) делилась на «хорографию» (описывающую большие пространства) и «топографию» (описание небольших участков). С именем Варения связывают создание теоретической концепции географии, которая отвечала новому этапу в развитии философии, открытому работами Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Немецкая классическая философия подошла к проблеме границ преимущественно с когнитивных позиций, в контексте взаимосвязи Я и Не-Я. Именно на границе, в видении Канта, Фихте, Гегеля, происходит их встреча и начинается взаимодействие, в процессе которого появляется новая сущность, несводимая к первоначальной. Уже здесь можно видеть истоки понимания пограничья как зоны активного взаимодействия культур. В XIX в., который характеризуется как дисциплинарный период в развитии классической науки, формирование пограничной парадигмы в естественных и общественных науках происходило под влиянием двух авторитетов – А. Гумбольдта и К. Риттера. 19-томная работа Риттера «Землеведение в отношении к природе и истории человека, или Общая сравнительная география» была этапной в размежевании «физического землеописания» как естественной науки и «общего землеописания», которое Риттер считал исторической дисциплиной. Будучи последователем Канта, Риттер создал собственную хронологическую концепцию, смысл которой в общих чертах был таким: земное пространство развивается по собственным законам; оно является не просто вместилищем гор, рек, городов, народов, государств, а целостным образованием, имеющим внутренние основы и стимулы развития. Пространственные отношения реализуются в политике, а значит, пространство будто закладывает в себя известные типы возможных политик¹⁶. Так выстраивался «мостик» между гегелевской «Философией истории» и классической геополитикой. Риттера часто рассматривают как предтечу геополитики. Его же вместе с Гумбольдтом считают отцом теории районирования.

Весь XIX век прошел под знаком острых несогласий между сторонниками двух школ в исследовании цивилизаций и культур: эволюционистской (Г. Спенсер, Л.-Г. Морган) и антропогеографической (Ф.-В. Ратцель). Первая исходила в объяснениях локальных культурных отличий из пребывания народов на разных ступенях цивилизационного

¹⁶ Риттер. 2005.

развития и, следовательно, считала эти отличия нивелирующимися в процессе эволюции. Вторая рассматривала их как глубоко укорененные, обусловленные природными и социальными условиями, сложившимися в определенных географических зонах. На основе эволюционистских подходов сформировались современные теории модернизации, а антропогеография стала «праматерью» теорий локальных цивилизаций, культурных диффузий, фронтиров и т.п. В начале XX в. проблема границ предстала в новом измерении, и в этом немалую роль сыграло сближение антропологических и географических научных направлений. У основоположника немецкой антропогеографии Ф.-В. Ратцеля границы выступают как доминанты создания государства; К. Хаусхофер видел в них пределы определенных жизненных представлений, сравнивая их с самодовлеющими органами социокультурного организма.

Граница рассматривалась Хаусхофером как периферийный орган, подобный коже, и как закрытая на ключ жизненная форма, ощущающая напряжение, но живущая собственной полнокровной жизнью и имеющая свое «предполье» – более или менее широкую зону взаимодействия. Постулированный им «пограничный эмпиризм» базировался на ощущении относительности границы: «как статика и динамика границы, так и ее *психологическая и механическая констатация* находятся в постоянном столкновении». Столь же относительной является языковая граница как маркер культуры. Относительность границ обнаруживается и в том, что они должны одновременно разделять и быть проницаемыми. Отсюда акцент Хаусхофера на культурно-географическом ощущении границы и его воспитании, имеющем общую значимость для культуры, политики и экономики. Хаусхофер был в сущности первым, кто подчеркнул важность внимательного изучения пограничных территорий, пограничных инстинктов, «неизменно настороженного пограничного сознания»¹⁷.

С точки зрения «неизменной настороженности» рассматривал проблему границ и известный французский социолог А. Зигфрид. В предисловии к работе геополитика Ж. Анселя «География границ» он обращал внимание на опасность пограничных сюжетов для исследователей – ведь поскольку они насквозь пронизаны политическими страстями, хладнокровно рассуждать о них невозможно¹⁸. В преддверии Второй мировой войны такие предостережения звучали чрезвычайно актуально.

Украинская традиция исследования границ и пограничья ведет свое начало от работ С. Рудницкого. Он называл Украину «страной границ», причем в поле его зрения были и границы физико-географические (гра-

¹⁷ Хаусхофер. 2001. С. 9, 28-30, 112-115.

¹⁸ Ancel. 1938. P. VII.

ница европейской полосы гор и восточноевропейского плато), и геоморфологические, и климатические, и биологические. В древнейшие времена по просторам будущей Украины проходила граница между цивилизованными народами Востока и нецивилизованными северными «народами природы». Позднее территория Украины стала границей эллинистического мира, с началом средневековья – пограничной землей средиземноморского и переднеазиатского мира; здесь проходила граница между оседлым земледелием и кочевничеством. В XV–XVIII вв. Украина оказалась на границе трех миров: западноевропейского, восточно-мусульманского и кочевого азиатского. Это «страшное пограничье», по С. Рудницкому, обусловило безгосударственность украинской нации¹⁹.

В России начала лимнологии (пограноведения) усматривают в книге В. Семенова-Тян-Шанского «Район и страна» (1928). Граница в ней определялась как место изменения географических явлений, причем она могла быть и линией, и широкой полосой. Что же касается пространственных (хорологических) подходов, то они в СССР постоянно подвергались критике как буржуазные и ненаучные. Географию искусственно разделили на физическую и экономическую, вследствие чего в ней не оказалось места для географии человека. Экономико-географам, которые отстаивали единство и «хорологическую мысль» географии, удавалось уцелеть лишь за общим фасадом «естественной науки о земле». Согласно Б. Родоману, существование нескольких параллельных научных школ в географии представляло собой «авторитарно-догматический плюрализм, похожий на междоусобицы удельных княжеств». В конце концов теоретическую географию вообще вытеснили из учебного процесса²⁰.

В послевоенное время исследование пограничных ареалов в мировой науке шло одновременно в русле экономической географии (на базе синтеза достижений чикагской школы и подходов основателя американской региональной науки В. Айзарда) и обновленной хорологии, стремящейся осмыслить окультуренное человеком пространство как систему символов. На основе изучения образов территорий вырабатывались подходы к концептуализации понятий “пространственное развитие”, “культурное пространство”, “политический ландшафт” и т.п. Однако вплоть до 1950–60-х гг. доминирующими в исследовании границ были позитивистские историко-географические подходы, причем объяснительные модели базировались преимущественно на анализе политических факторов, а государства выступали как единое нераздельное целое.

¹⁹ Рудницкий. 1923. С. 8–23.

²⁰ Родоман. 1990. С. 45.

Заметный прорыв в исследовании феномена границ и пограничья наблюдается в последней трети XX в. Стимулировали его как значительное оживление международных контактов, так и освоение новых методов и подходов в исследовании регионов. По оценке А. Ландабасо, новый поток регионалистских исследований оказался подобным солнечному протуберанцу: «мир и мировое академическое сообщество как будто вновь открывают для себя учение о регионах... Вообще 70-е годы дали по сути дела импульс всем аспектам, видам регионалистики. Главная цель регионалистики как науки в этот период заключалась в том, чтобы стать фундаментальной, повсеместной дисциплиной – базисом для... второго, нового уровня интеграционного процесса». Регионалистика вышла на уровень анализа инфрагосударственных и надгосударственных отношений, регионализма, национализма, демонстрируя при этом высокий уровень научной зрелости и академичности²¹.

Существенное продвижение в теории границ было достигнуто прежде всего в русле освоения функциональных подходов, в частности, относительно четкого размежевания границы и фронта. Австралиец Дж. Прескотт определял разницу между ними как различие линии и зоны. В отличие от границы фронт имеет площадь. В дальнейшем, правда, понятие “фронт” проявило тенденцию к размыванию и часто применялось для обозначения “плавающей границы” – пространства между заселенной и незаселенной территориями. В метафорическом смысле фронтиром начали называть ярко выраженную границу крупного политико-географического образования глобального масштаба, в частности империи²². Такой подход, однако, оказался небесспорным.

Известный французский политолог, директор Европейской геополитической обсерватории Мишель Фуше предложил различать два понятия – *front* и *frontier*. Первым понятием он обозначает довольно четкую линию между территориями, отделяющую пространство “своего” от “чужого”. Это может быть граница по водоразделу, по линии горных вершин, межгосударственная граница. Вторым – символическое или мысленное деление пространства, предусматривающее наличие пограничья без четкой распределительной линии. Фронтирами в его представлении являются, например, этнические или культурные границы. Фуше ввел также понятие “диада” для определения участка государственной границы, разделяющей два соседних государства²³.

²¹ Ландабасо. 2001. С. 92-94.

²² Джамалханов. 2010. С. 143.

²³ Foucher. 1991. P. 5-15.

Введение в терминологическое поле понятия границы в этнокультурном понимании связывают с именем норвежского ученого Ф. Барта. Внутренние маркеры этничности и региональности Барт рассматривал как результат исторических, политических, экономических условий и конкретных ситуаций; культурные отличия он выводил не столько из влияния объективных факторов, сколько из индивидуального сознания и продиктованного им ролевого поведения членов тех или иных групп. Символические линии деления создаются, по Барту, с помощью этнических маркеров (диакритиков) – тех элементов культуры, которые избираются членами группы для акцентирования своих отличий от Других. Эти диакритики (Дж. Армстронг называл их «символическими пограничниками»), как правило, становятся объектом острой конкуренции, связанной с отношениями власти и подчинения. При этом борьба ведется как за право определять границы, так и за выбор маркеров²⁴.

Продуктивными для исследования границ и пограничья оказались и некоторые постмодернистские подходы, давшие возможность преодолеть разрыв в исследованиях внешней и внутренней политики, ввести проблему межгосударственных границ в контекст границ как глобальных сущностей. Появился взгляд на границу как двойственный фактор – объединения внутри и отмежевания извне, было основательно разработано понятие культурной границы, далеко не всегда соразмерной с формальными границами. Начались исследования границ с точки зрения безопасности, в частности, милитаризованных зон. Особое научное направление концентрирует внимание на исследовании проницаемости тех или иных границ и их дифференциации по этому признаку.

Под сильным влиянием постмодернизма границы начали активно изучаться сквозь призму концепций мировых систем и идентичностей. Мир-системная теория имеет в своей основе классическую трехчленную схему «центр–полупериферия–периферия». Относительно теории границ такой подход выливается в рассмотрение последних на трех территориальных уровнях – глобальном, национальном, локальном. Пограничье в рамках мир-системного анализа рассматривается как новый политический и культурный феномен, приобретающий особое значение в условиях разрушения Вестфальской системы международных отношений и изменения функций национального государства под влиянием процессов глобализации. В этом случае традиционная триада «центр–полупериферия–периферия» дополняется выделением макрорегионального и регионального уровней с собственными культурными граница-

²⁴ *Barth*. 1969. P. 14, 35; *Armstrong*. 1982. P. 6.

ми. Что касается межгосударственных границ, то они часто предстают в виде «шрамов истории» (О. Маркар), обреченных на размывание.

В тесную связь с изучением центр-периферийных отношений поставили проблему пограничных регионов С. Роккан и его школа. Структура границ и степень контроля над ними, по Роккану, во многом определяется концентрацией, конкуренцией или совпадением центров разных типов – административных (военных), экономических или культурных. Высокая концентрация центров на определенной территории создает явление пространственной сегментации, которая при благоприятных условиях стимулирует стремление к сецессии, а при менее благоприятных служит причиной массовой миграции. В ситуации закрытости центр пытается контролировать не только территориальные, но и социокультурные границы; полная закрытость ведет к жесткой политике ассимиляции или, напротив, к распаду государства. Поэтому любое, в особенности полиэтничное, государство должно соединять политику интеграции меньшинств с консолидацией и оптимизацией границ. В «полицефальных» (с цепью отдельных центров) государствах, эта задача на порядок усложняется из-за жесткой конкуренции интересов элит²⁵.

Интенсификация глобализационных процессов ввела проблему пограничных регионов в контекст «сжатия мира», взаимопроникновения, трансграничности. В политической географии, политологии, геоэкономике появились специальные научные направления, сконцентрированные на исследовании «трансграничных регионов» (термин В. Колосова). Традиционные (историко-картографические, классификационные, функциональные и пр.) лимнологические подходы были дополнены постмодернистскими (мир-системно-идентичностным, границ как социальных представлений, экополитическим, ПВП-подходом и др.). Акцент новые подходы делают на размывании географических границ и региональных составляющих политических, социальных, культурных отношений. Подчеркивается также, что глобализация как процесс – глубоко диалектическое явление, в котором переплетаются стимулы интеграции и взаимоотталкивания, возникают и новые транснациональные социальные связи и пространства, и новые разновидности локальных культур. Одновременно с «виртуальным», а то и реальным стиранием территориальных, культурных, языковых границ интенсифицируются связи и зависимости, способствующие как единству, так и дифференциации социокультурного пространства. Мощные волны унификации и стандартизации размывают традиционные представления о самобытности и суверенитете.

²⁵ Роккан. 2006а. С. 48-50; Роккан. 2006б. С. 74.

Предложенные А. Пааси, Д. Ньюменом, П. Тейлором и другими учеными модели взаимосвязей между границами и иерархией территориальных идентичностей открыли путь к исследованию границ как социальных конструкторов и соответствующих символов. Рассмотрение категорий пространства, территории, места как устоев социальной идентичности проложило путь к дифференциации между чувством места (*sense of place*) и укоренением (*rootedness*), а также привязанностью к месту (*attachment to place*). Появились дифференцированные подходы к анализу разных типов территориальных идентичностей – идентификации с местом (*place-identity*), локальных идентичностей (*local identity*), региональных идентичностей (*regional identity*), идентификации со средой (*enviromental identity*) или с местожительством (*settlement identity*). Операционабельным оказалось и понятие региональной культуры, которая трактуется как совокупность принятых в определенном региональном сообществе ценностей, верований, общественных традиций²⁶.

Заметным прогрессом в лимнологических исследованиях стал выход в сопредельные сферы научного знания – культурную антропологию, историю, социологию. Неклассические научные методы дали мощный толчок развитию культурной географии и антропогеографии; широкое использование понятия ландшафта стимулировало оформление имажинальной географии. В конце XX в. резко актуализировались проблемы региональной идентичности и региональной (пространственной) мифологии. Формируется общее гуманитарно-географическое концептуальное поле, в котором, по мнению Д. Замятина, органически сосуществуют разные ответвления культурной антропологии, культурологии, политологии, истории (в особенности региональной и локальной), литературоведения, комплексного градоведения и регионоведения. В переходной ментальной зоне, на стыке науки, философии и искусства возникают гибридные художественно-исследовательские направления, ведущее место среди которых принадлежит метагеографии²⁷.

В контексте исторической регионалистики рассматривают проблему границ российские специалисты. Украинский срез проблемы исследует Л.Е. Горизонтов, акцентируя внимание на том, что границы выступают неизменным атрибутом любой региональной структуры. Пограничье – соединительное звено между границами и вместе с тем зона активной интеграции и сотрудничества. Важным представляется его акцент на «невидимых» исторических границах: эти «шрамы исто-

²⁶ Коржов. 2010. С. 108-114. Менее удачен, на наш взгляд, предложенный им термин “географическая идентичность” как эквивалент англоязычного *place identity*.

²⁷ Замятин. 2010а; 2010б.

рии» отнюдь не исчезают. Один тип границ перетекает в другой; границы фигурируют не только в роли политических маркеров (внутренних и международных), но и в качестве этнических, конфессиональных, культурных, языковых, экономических рубежей. Ситуация для исследователей украинских реалий усложняется тем, что исторически подвижная зона соприкосновения европейских макрорегионов проходит именно через территорию Украины. Целый комплекс исследовательских задач для регионалистики связан, по мнению автора, с тем, что имперский груз тяготеет не только над бывшими титульно-имперскими нациями, но и над теми, которые ощущали себя угнетенными. Новые национальные государства, состоящие из разнородных регионов и имеющие конфликтогенные границы, склонны заимствовать от империй курс на унификацию и получают вследствие этого дефицит внутреннего равновесия и сложности внешнеполитического плана²⁸.

Довольно неожиданный ракурс экстраполяции методов природно-географического (факторного) анализа на историческое изучение пограничных ареалов предлагает украинский историк Е. Чернов, связывая построение теоретического каркаса региональной истории с пространственно-структурным моделированием влияния природно-географической среды на процессы освоения территорий и урбанизации. С учетом всей совокупности благоприятных природно-географических факторов днепровское Надпорожье должно было стать устойчиво освоенным регионом. Но пограничность долго не давала возможность сформировать на этом пространстве что-то исторически прочное и реализовать урбанистический потенциал. Направление основных цивилизационных потоков пошло мимо этой территории, и в течение тысячелетий здесь не возникли даже элементы городского образа жизни. К таким регионам применимы разве что термины «блуждающей» или «мерцающей» региональности. Смыслом региональной истории и может быть выявление таких нетипичных регионов, что будет сблизжать ее с «новой географией»²⁹.

Наиболее распространенный в современной политической географии взгляд на проблему пограничья довольно удачно сформулировал российский географ Б. Родоман. Граница – это что-то, расположенное между двумя сущностями, граница деления, и это «что-то» обычно настолько мало в сравнении с разделяемыми явлениями, предметами, сущностями, что им можно пренебречь³⁰. И для социумов, и для человека важна не сама граница, так как это в принципе лишь линия, а то близле-

²⁸ *Горизонтов*. 2005.

²⁹ *Чернов*. 2006. С. 38-48; *Чернов*. 2008. С. 59-66.

³⁰ *Родоман*. 1982. С. 20.

жащее пространство, которое от нее зависит и ею детерминируется. Этот взгляд принципиально важен для историков, которых значительно больше интересуют не сами линии границ, а приграничные территории как ареалы взаимодействий и взаимостолкновений, формирования новых идентичностей. Доминирует такой взгляд и в культурологии – здесь граница преимущественно определяется как «рубеж коллективной идентичности, отделяющий общее “мы” от такого же общего “они”»³¹.

В рамках лимологии применяется целый ряд классификаций границ по разным критериям. В соответствии с функциональным подходом О. Дж. Мартинеса границы разделяются на отчужденные (*alienated*), сосуществующие (*co-existent*), взаимозависимые (*interdependent*) и интегрированные (*integrated*)³². В основу типологии здесь положена степень интегрированности – от введения понятия пограничного региона до образования полностью интегрированных территорий.

Исторический критерий предусматривает деление границ на антецедентные, субсеквентные и реликтовые. Первые прокладываются по еще не заселенным территориям, вторые – по уже освоенным, третьи являются стертными, но закреплены в ландшафтных отличиях. Географический подход предусматривает деление на естественные и искусственные границы. Границы могут быть прозрачными, полупрозрачными или закрытыми. Все эти классификации исходят, однако, из доминирования географических или этнических факторов. Однако теоретическая лимология не в состоянии охватить проблему границ в ее полноте и разнообразии. Поскольку в широчайшем, философском смысле граница – это любая распределительная линия, реальная или виртуальная.

Как главную рассматривает барьерную функцию границы польский географ Т. Коморницки. Эта функция проявляется как военная (барьер для чужеземной военной агрессии), экономическая (барьер для движения товаров), гражданская (барьер для свободного перемещения людей). С изменением функций границ в Западной и Восточной Европе неизмеримо выросла роль границ в интеграционных процессах, что сделало главными показателями уровень проницаемости и пропускной способности границы³³. Англоязычные аналоги термина *граница* дают довольно полное представление о разнообразных функциях, которые сегодня охватываются этим понятием. По А. Макарьчеву, границы могут быть:

- демаркаторами территориального пространства (*boundaries*);

³¹ Дубин. 2007. С. 652.

³² Martinez. 1994.

³³ Komornitcki. 1999. S. 25.

- линиями перехода на сопредельную территорию (*borders*);
- периферийными единицами (*margins*);
- линиями столкновения с соседями (*frontiers*);
- региональными единицами – их специфичность сформирована тесным сотрудничеством с соседями и мультикультурализмом (*borderlands*).
- существует и понятие *de-bordering*, обозначающее снижение значимости границ под влиянием процессов транснационализации³⁴.

По М. Орешину граница может быть зоной: 1) раскола; 2) распределения; 3) фильтрации; 4) взаимодействия; 5) сотрудничества; 6) кооперации; 7) соединения; а также средством организации территории, социокультурным рубежом и т.п. Одно качество границы способно переходить в другое. Границы выступают в роли разграничительных рубежей и помогают конструировать пространство в воображении³⁵. Д. Амоглонова и Т. Скрынникова обращают внимание и на более абстрактное содержание понятия *граница* – как установление пределов, с помощью которых государства или социальные группы отмежевываются одни от других, а также создают модели размежевания категорий сознания. Периферийность и приграничность заставляют творцов идеологий отыскивать особые ценности, апелляция к которым способна мобилизовать этничность или региональное сознание, не выходя за рамки политических норм и границ. На этой почве может возникать симбиоз «урезанного национализма» и политизированной этничности. Реальные политические границы (как и реальная история) играют при этом опосредованную роль и могут игнорироваться, если этого будут требовать интересы моделирования³⁶.

Для регионалистики (и не в меньшей мере для региональной политики) особенно важными являются те свойства границы и пограничья, которые предопределяют взаимовлияния и взаимодействия различных локальных культур. Ведь фактор социальной и культурной дистанции часто приобретает стрессогенный характер именно в зоне пограничья.

При всей изменчивости и подвижности межгосударственных границ в их изучении все же можно ориентироваться на какую-то итоговую фиксацию. В мирное время все четыре континентальные империи на европейском континенте были заинтересованы в том, чтобы придерживаться каких-то конвенциональных ограничений в своем соперничестве и четко обуславливать свои территориальные пределы. С региональными и этническими границами дело обстоит сложнее – как правило, они

³⁴ Макарычев. Режим доступа: <http://www.google.com/search>.

³⁵ Орешина. 2003. С. 154.

³⁶ Амоглонова, Скрынникова. 2005. С. 53-54.

условны и непостоянны. Более или менее четкая, хотя и подвластная постоянным изменениям, фиксация присуща административным границам. Если же территориальный принцип кладется в основу экономической, этнической, социокультурной, конфессиональной или какой-то другой регионализации, границы оказываются размытыми, с выразительными фронтами – пограничными полосами аккультурации.

Географы-международники ввели в оборот понятия *барьерность* и *контактность* как критерии оценки уровня пограничной безопасности: первое обозначает способность границы быть эффективным рубежом против нелегальных и нежелательных трансграничных потоков, второе – возможность обеспечить проницаемость для потоков желательных. Постоянно подвергаются уточнениям понятия *пограничье*, *пограничная территория*, *трансграничная территория*, *трансграничные географические структуры*, *региональные пограничные подсистемы* и т.п. Термин *пограничье* (порубежье, *borderland*) обычно применяется для характеристики близлежащей к границе (с одной или с обеих сторон) зоны, которая выделяется на основе совокупности специфических признаков, важных для достижения определенной цели. Пограничная территория – ареал, в котором осуществляется реальное или потенциальное взаимодействие (взаимовлияние) соседних государств. Трансграничная территория – относительно целостная природно-антропогенная система, которая складывается как минимум из двух взаимосвязанных приграничных территорий и является сферой геополитических интересов соседних стран.

Понятно, что говорить о четкости и определенности этих различий не приходится. Примененное в «Европейской рамочной конвенции о пограничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (Мадрид, 1980) понятие *cross-border* по своему значению более близко к передаче взаимодействия с переходом границы, а не к взаимодействию приграничных территорий. Однако в политическом употреблении четкости в применении понятий *cross-border* и *transborder*, как правило, не наблюдается. Обычно первое понятие применяется для характеристики прямых контактов порубежных регионов, а второе – для широкого круга вариантов сотрудничества. Не существует четкого размежевания понятий *приграничное сотрудничество* и *трансграничное сотрудничество* и в русском языке. Возможности украинского языка в данном случае более широки – благодаря параллельному применению терминов, производных от *кордона* и *границы* и устоявшемуся уже понятию *порубіжність*. Однако четкого нормативного разведения понятий *порубіжність*, *пограничність* и *прикордонність* пока не наблюдается.

Границы Украины, несмотря на их относительную «молодость», имеют свою историю и собственные характеристики. Принято разделять их на «старые», унаследованные от СССР, и «новые» – те, что ранее были административными межреспубликанскими. Из семи непосредственных государств-соседей Украины четыре являются членами ЕС. Общая протяженность сухопутной границы Украины – 4247,86 км, морской – 1351,6 км, речной – 414,73 км. Украина имеет соглашения о государственной границе со всеми соседними государствами. Но между «старыми» и «новыми» границами сохраняется существенное отличие по параметрам инфраструктурного развития. Отсюда и специфичность феномена «нового пограничья» – как совокупности исторических и новообразовавшихся социально-экономических связей вдоль границ бывших советских республик³⁷. Ко времени обретения независимости инфраструктура межреспубликанских границ была сугубо символической. Точные очертания их фиксировались разве что на воинских топографических картах, но и там было немало расхождений, так как время от времени руководители колхозов-соседей своевольно корректировали границы во время строительства дорог, сооружения зданий и т.п. На русско-украинской границе во время делимитации оказалось свыше тысячи спорных отрезков, причем граница часто разделяла села, улицы, даже отдельные дворы. Естественно, что это создало немало сложностей, с которыми люди вынуждены были мириться в течение десятилетий. Отсюда и стойкое предубеждение местных жителей против демаркации границы, часто сопровождающееся трениями и недовольствами.

На изменения конфигурации границы существенным образом влияют и естественные факторы. Например, из-за изменения русла реки Тисса в течение 1945–2000 гг. точка стыка границ трех стран переместилась вглубь Украины на 11,7 м, а 270 га земли отошли Венгрии.

Эволюция трансграничных отношений на рубежах Украины идет в направлении от отчуждения к интеграции, ликвидации барьеров и предубеждений. Хотя возможности трансграничного сотрудничества используются далеко не полностью. Это касается, в частности, перспектив общего использования природных ресурсов, рекреационного потенциала, общих мероприятий в сфере охраны окружающей среды, предотвращения природных и техногенных катастроф.

Очевидно, что без учета фактора пограничья и проблем, им создаваемых, невозможно понять ни особенности регионализма в его украинском варианте, ни специфику локального самосознания. В конце кон-

³⁷ Розширення Європейського Союзу... С. 213, 229.

цов, и геополитические схемы, которые выстраиваются нашими соседями, также могут быть осмыслены лишь в контексте «рубежности» и ее влияния на языково-информационные, культурно-религиозные и прочие процессы. Порубежность имеет свои положительные и отрицательные черты, и только от украинского народа и взвешенных действий его элиты зависит, будет ли страна самостоятельным игроком на экономическом поле и политической сцене или окончательно превратится в «транзитный коридор», полигон для апробирования чужих идей и намерений, не вписывающихся в концепцию национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амоглонова Д.Д., Скрынникова Т.Д. Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии // Полис. 2005. № 2. С. 53-63.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- Горизонтов Л. Украина в зеркале регионалистики // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 3-12.
- Горин Д. В кольце заклятых друзей: имитация целостности и ловушки социального мышления // Неприкосновенный запас. 2010. № 3.
- Джамалханов Р. Граница как категория политической науки: основные подходы // Власть. 2010. № 4.
- Дубин Б.В. Запад, граница, особый путь: образ Другого в политической мифологии россиян // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010 (а). № 4. С. 126-138.
- Замятин Д.Н. Метагеографические оси Евразии // Полис. 2010 (б). № 4. С. 22-47.
- Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії. К., 2006.
- Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3. С. 44-49. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>.
- Коржов Г. Територіальні ідентичності: концептуальні інтерпретації в сучасній зарубіжній соціологічній думці // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2010. № 1. С. 108-114.
- Королев С.А. Российская граница как край пространства: генезис и технологии // Россия и современный мир. 2002. № 2.
- Ландабасо А.И. Теория регионалистики: европейский опыт исследования // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001.
- Леш А. Пространственная организация хозяйства. М., 2007.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Макарычев А.С. «Игра понятий»: новая геометрия регионализма в современном европейском контексте // Международные процессы. 2003. № 3.
- Макарычев А.С. Метафоры регионализма в международно-политическом дискурсе // Режим доступа: <http://www.google.com/search>.
- Орешина М.А. Регион как объект социально-гуманитарных исследований // Политическая наука. 2003. № 3.
- Пащенко В.М. Землезнання. Методологія природничо-географічних наук. К., 2000.

- Риттер К.* О пространственных отношениях на поверхности земного шара и их влиянии на ход исторического развития человечества // Полис. 2005. № 2. С. 102-114.
- Родоман Б.Б.* Основные типы географических границ // Географические границы. М., 1982.
- Родоман Б.Б.* Уроки географии // Вопросы философии. 1990. № 4.
- Розширення Європейського Союзу: вплив на відносини України з центральноєвропейськими сусідами. К., 2004.
- Роккан С.* Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. 2006 (а). № 4.
- Роккан С.* Центр-периферийная полярность // Политическая наука. 2006 (б). № 4.
- Рудницький С.* Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.
- Хаусхофер Х.* О геополитике: Работы разных лет. М., 2001.
- Чернов Е.А.* Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. Х., 2006. С. 38-48.
- Чернов Е.А.* Региональная история и историософия // Регіональна історія України. 2008. Вип.2. С. 59-66.
- Шлегель К.* Европа – пограничная страна // Вестник Европы. 2003. № 9.
- Ancel J.* Geographie des frontieres. Paris, 1938.
- Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
- Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. London; Bergen, 1969.
- Bolton H.* The Spanish Borderlands: A Chronicle of Old Florida and the Southwest. New Haven, 1921.
- Foucher M.* Fronts et frontieres. Un tour du monde géopolitique. Paris, 1991.
- Herzfeld M.* Antropologia. Praktykowanie teorii w kulturze i społeczeństwie. Kraków, 2004.
- Komornitcki T.* Granice Polski. Warsaw, 1999.
- Martinez O.J.* Border People. Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tuscon, 1994.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by B. Warf, S. Areas. L.; N.Y., 2009.
- Верменич Ярослава Владимировна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая Сектором теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины; verrosla@gmail.com